

м а р и н а ч и ж о в а

ДНЕВНИК 18+ СОВРЕМЕННОЙ ГЕЙШИ

секреты
ночной жизни страны
восходящего солнца

Марина Юрьевна Чижова
Дневник современной гейши.
Секреты ночной жизни
Страны восходящего солнца
Серия «Travel Story. Книги для отдыха»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65235316
Дневник современной гейши. Секреты ночной жизни Страны
восходящего солнца: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-121128-8

Аннотация

Ночная жизнь Японии... Что она из себя представляет? Об этом расскажет Марина Чижова, которая волей случая оказалась втянутой в эту опасную авантюру. Загадочное заведение под названием «Грасия» – это особая фирма, которая торгует атмосферой. Гости здесь платят за ощущение праздника, полноты жизни и собственной значимости. Что же скрывается за дверьми подобных клубов? Какие японцы ходят в такие места? Что входит в обязанности современных гейш? И чем закончилась эта история, полная загадок и тайн?

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

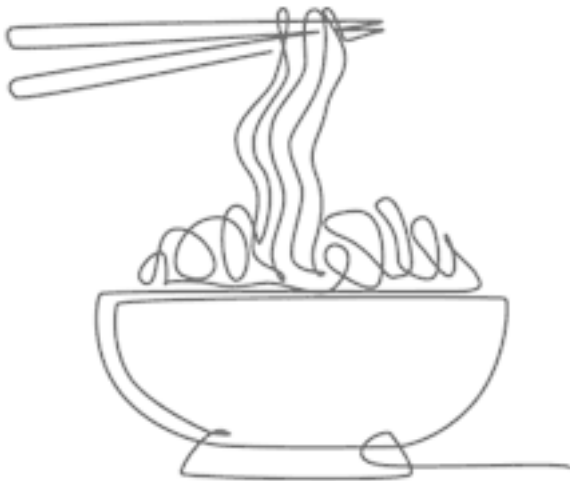
Глава 1. Открытие Японии: палочки, Луи Виттон и высокотуалетные технологии	5
Глава 2. Итальянские каникулы	64
Глава 3. Продаём мечты. Дорого	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Марина Чижова
Дневник современной
гейши. Секреты
ночной жизни Страны
восходящего солнца

© Чижова М.Ю., текст и фото, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1. Открытие Японии: палочки, Луи Виттон и высокотуалетные технологии

– Почему вы решили изучать японский язык? – строго спросил седовласый японец на собеседовании и внимательно поглядел на меня из-под очков. Так же строго уставились на меня два его коллеги.

Я открыла рот, чтобы сказать: «Для понта». Все подружки в университетах учили английский, французский, немецкий. Еще некоторые – итальянский и испанский. А я вот, выпендрилась. Потому что была уверена: в моем сибирском городе нет ни одного человека, нормально знающего японский. Это мало помогало в учебе, но просьбы окружающих написать иероглиф и восторги после произнесенного по-японски «доброе утро» приятно гладили эго и давали ощущение тотального превосходства.

Проблема была в том, что я не знала, как будет «понт» по-японски. Я закрыла рот и подумала.

– Потому что на нем почти... никто из людей... не говорит, – запинаясь, осилила я.

«И я в том числе, – удручающе подумалось мне. – Пока».

Японцы что-то записали в свои бумажки. Их лица были непроницаемы и беспристрастны.

В большие окна японского посольства в Москве лилось весеннее солнце...

Через 3 месяца я получила письмо. В нём говорилось, что я выиграла грант правительства на обучение в одном из трех лучших университетов Японии.

Это было чудо. Больше никак логически этого объяснить нельзя.

– В Японию на целый год?.. Вау! – удивился Пол.

Пол – это мой бойфренд французо-афро-ирландских кровей. Ему 27 лет, то есть ровно на 7 лет больше, чем мне. Он преподает в летнем лондонском колледже, где я учусь, но, слава богу, не в моей группе. Из-за смуглой кожи, длинных ресниц и умеренной мускулатуры Пол настолько красив, что даже преподавательница-лесбиянка Кэтрин говорит, что он мог бы поставить ее на путь истинный. Родился в ЮАР, а вырос в Лондоне. Приличная семья, частная школа, английский-французский-испанский... Когда мы познакомились, он спросил у меня совет, что подарить своей девушке на день рождения. Я посоветовала и подумала: «Ну еще бы. К такому телу и ресницам должна прилагаться девушка».

Через две недели Пол расстался с герлфренд. Просто удачное совпадение.

– А ты правда хочешь провести в Японии целый год? – спросил Пол, полулежа на кровати у меня в комнате. Он был в синих джинсах и белой футболке, подчеркивающей смуглые, изящные бицепсы. Бицепсы хорошего тона.

Я задумалась. И, отвлекшись от бицепсов, попыталась представить себя в Японии. Но не смогла.

Я знала о Японии поразительно много и поразительно мало. Я знала ее историю, географию, традиции, национальные

праздники, всех императоров по именам и в каком году построили Токийскую башню. И тем не менее я не могла представить себе, как выглядит японская улица, автобусная остановка, обычная японская квартира. Я понятия не имела, что продают в японском супермаркете. Я гадала, как они умудряются есть рис палочками – ведь он рассыпается? И вообще, как они едят этими палочками?!

Все японцы казались служащими Sony, а все японки – гейшами. Судя по редким телетрансляциям из Японии, города там похожи на пролог будущего и на фоне повсеместной автоматизации труда редкими пятнами разбросаны деревянные храмы с изгибистыми крышами.

По представлению моей мамы и других романтиков, в Японии вечно цветёт сакура и семянят бледные японки в кимоно, пока их японские мужья изобретают очередное чудо науки и техники. По представлению прагматиков вроде папы, стены в японских домах сделаны из рисовой бумаги и зимой продуваются ветром.

Оптимисты вокруг меня утверждали, что японцы питаются исключительно рисом и свежей рыбой, поэтому не стареют и живут больше ста лет. Пессимисты заявляли, что из-за всего сырого у многих японцев невыводимые паразиты, к которым они так привязались, что считают за домашних питомцев.

В университете ходили легенды о высоте японских цен (один банан = \$100), о скорости японских поездов (500 км/

ч), об искусности японских женщин (читай: гейш) в любви, о высокой смертности японских мужчин (читай: управленцев Sony) от трудоголизма.

Одни говорили, что глаза у японцев узкие от того, что рядом с ними встает солнце, и они щурятся от света. Другие пугали тем, что комнаты там такие маленькие и что европеец не может в них спать не согнувшись. Третьи верили: чтобы получить мраморное мясо, японцы включают коровам классику и регулярно делают им точечный массаж. Были слухи, что из-за частых землетрясений японцы научились строить «эластичные» здания: якобы, если приглядеться, можно увидеть, как они колышутся на ветру.

От всей этой лоскутной информации Япония казалась другой планетой. Японцы представлялись особым, отличным от других видом *homo sapiens*. Они спят на полу, едят вместо вилки двумя деревяшками, носят халаты вместо брюк, питаются необработанной пищей, читают справа налево, вместо букв используют странные загогулины. Но здравый ум подсказывал: за всеми домыслами о японцах просто скрывалось большое опасение белого человека. А что, если они вовсе не *homo*, а вообще другая, высшая форма развития? Которую никто из обычных людей не мог понять, так как не владел их таинственной письменностью и речевыми сигналами для установления контакта?

В моей голове всё никак не могли ужиться вместе небо-скрёбы и домики из рисовой бумаги, скоростные поезда на

магнитных подушках и древние храмы с прудами разноцветных карпов, паразиты и долгожители, гейши в кимоно и костюмы Issey Miyake¹. Как в шейкере бармена-дилетанта, всё смешалось одно с другим, но никак не могло раствориться в один однородный напиток. Мысленно перебирая компоненты, я ужасалась: мне казалось, эту гремучую смесь ни за что не смешать и не переварить. Но вместе с ужасом росло и любопытство: так какой же у нее вкус, у этой Японии?

– Да, хочу, – твердо сказала я и улыбнулась. – Мне кажется, это будет весьма... необычно.

* * *

Мы с русским геофизиком Кириллом сидели у гейта в ожидании рейса Москва – Токио.

Кирилла я запомнила ещё вчера, когда нас – шесть человек – собрали в посольстве перед самым вылетом для поздравлений по поводу выигранного гранта и последних ЦУ. Он тогда спросил у зампосла, можно ли нам работать в Японии. Когда зампосла ответил, что нет, Кирилл глубокомысленно произнёс:

– Ну ёшкин кот... Я вот слышал, что один братан тоже на учёбу поехал и нормально так нагрузился баблом!

Часть наших сдержанно улыбнулись, часть в священном

¹ Иссей Мияке – японский модельер и дизайнер, основатель модного дома Issey Miyake.

ужасе округлили глаза. Зампосла очень тактично ничего не расслышал.

В основном же наша тихая группка новоиспечённых японистов выглядела то ли усталой, то ли напуганной. Никто ни с кем не разговаривал, не знакомился, не шутил, не предлагал собраться и отметить наш приезд в Японию как следует...

Я рассматривала двух девочек. Одна была стройная и голубоглазая, вторая немного покрупнее и потемнее, в мохнатом черно-желтом свитере. Скорее всего, верблюжьем, решила я.

– Откуда вы, девчонки? – спросила я их.

Верблюжий свитер только как-то странно посмотрела на меня. Симпатичная, видя, что отвечать больше некому, вежливо сказала:

– Из Питера. А ты?

– Из Сибири, – улыбнулась я.

Я хотела ещё что-то сказать ей, но Кирилл заорал мне в левое ухо:

– Марина, всё, посадка, ёшкин кот!

И мы пошли...

Нас окружали кнопки. Они были справа, слева и впереди. Наверняка сзади тоже были, просто мы туда не смотрели. Нам вполне хватало и тех, что имелись в поле зрения: мы были заняты тем, что сосредоточенно тыкали разноцвет-

ные кружочки, стараясь не пропустить ни одного. И так как мы не утруждали себя прочтением надписей иероглифов на кнопках, то результат всегда был приятным сюрпризом: то выскакивала подставка для ног, приятно задирая их вверх, то кресло вдруг плавно падало на пол, принимая форму кровати, то вдруг тебя начинало безудержно колотить от общего массажа тела.

– Смотри, смотри, это, наверно, Токио! Видишь, как светится! Ой, а это чё за кнопка такая? Ну-ка ща посмотрим! Ого-го, вот это ни хрена себе, ёшкин кот!

Открытие Японии началось здесь, в салоне бизнес-класса японских авиалиний, на рейсе Москва – Токио.

* * *

– Слушай, а че это у них всех такое с ногами-то, а? Проблема у них с ногами-то, ёшкин кот...

В международном токийском аэропорту в ожидании пересадки на Осаку мы с Кириллом были заняты тем, что в упор рассматривали каждую пару женских японских ног, проходящих мимо.

– Не, ну ты посмотри – уже два часа сидим, а ни одной с нормальными ногами я пока не видел... Ну ты скажи мне, Марина, разве я не прав?!

Стоит отметить – Кирилл был прав. С ногами у японок действительно вышла незадача. Они были... слегка округле-

ны. При этом японки, по всей видимости, не усматривали в этом абсолютно ничего критичного. Глядя на кусок материи на их бёдрах, я порой реально хотела спросить, что это – короткая юбка или широкий пояс.

Позже я, конечно, узнаю, что это исторически обусловлено и особая форма ног образовалась из-за долгого сидения на коленках в позе «сэйдза», а походка носками внутрь – от хождения в деревянных сандалиях и узком кимоно. И что японки (и что важно – японцы!) действительно не считают это недостатком. Что у них совершенно другие критерии красоты.

А пока я только искренне сочувствовала Кириллу и пыталась его убедить, что Киото, где он будет учиться, – это родина гейш и уж там-то точно найдётся куча японских девчонок с умопомрачительными ногами, которые не будут косолапить, а будут стройны и грациозны, как горные лани.

«Ну, может, с кучей – это я погорячилась», – подумала я через час.

Ну пять-шесть точно найтись должно...

Но с каждой новой парой ног Кирилл суровел всё больше и со вздохом «*In whisky veritas!*»² прикладывался к фляжке с Jonny Walker. Я только успела подумать, как будет жаль, если из-за японских девок хороший парень сопьётся, как наконец объявили наш рейс на Осаку...

² Истина – в виски (*англ.*) – калька с латинского выражения *In vino veritas* (Истина – в вине).

В аэропорту Осаки мы попрощалась с Кириллом. Он ехал в Киото, а мы – в Осаку. Нас рассадили в микроавтобусы и повезли в разные стороны. Девочки из Питера были со мной.

Ехали мы долго. За окном в ночи мелькали неоновые вывески незнакомых ресторанов и магазинов, проносились автострады, моллы, высотные здания... Я, как замороженная, смотрела на всплески огней. Так вот ты какая, Осака...

Внезапно огни закончились. За окном потемнело. Почему-то начался лес, а автобус стал медленно ползти куда-то вверх. Я заметно встревожилась.

Симпатичная девочка вдруг заговорила:

– А ты знаешь, что наш университет не в Осаке?

Я округлила глаза.

– Не поняла?

– Ну рядом с Осакой, только в какой-то глухой деревне.

Я сидела и моргала, пока автобус мерно покачивал меня на горной дороге. В смысле не в Осаке? Какая ещё деревня? В Японии, в этом портале в будущее, в Японии, где роботы, Sony и технологии, в этой моей хай-тек и диджитал Японии что, есть ГЛУХАЯ ДЕРЕВНЯ?!

Наш минивэн выехал на ровную площадку и остановился. Мы осторожно вышли из машины. Стояла кромешная тьма. Вокруг нас были только деревья и кое-где торчащие одино-

кие кусты. А над ними, поодаль, тёмный силуэт гор на фоне ночного неба.

Ой, а что это за странный звук? О боже, это что... насекомые?!

Грозная японская комендантша повела нас по дороге меж кустов к общежитию. Я молча брела за ней с чемоданом, а внутри всё сыпались осколки разбившейся мечты. Симпатичную вдруг отняли у нас и увели в другое здание, а я осталась с Верблюжьим Свитером.

Комендантша нажала на кнопку. Японский лифт оказался говорящим. Он старательно объявлял этажи и очень просил быть внимательными, так как двери открываются. А потом опять просил, потому что закрываются. Если бы он мог, он бы точно поклонился.

Наконец, нам показали комнаты. Ух ты! Гораздо просторнее, чем я ожидала. Вполне можно сесть, лечь и даже делать несложные асаны, не упираясь пяткой в стену. Стены, кстати, не из рисовой бумаги. На полу не татами³, а линолеум. И кровать вроде обычная, и стол со стулом тоже человеческие.

Я села на кровать. Рядом зашуршало антибактериальной упаковкой выданное арестантам студентам бельё.

Вот здесь я теперь буду жить.

Я отдвинула серую штору с окна. Далеко внизу, дразня

³ Татами – маты, которыми в Японии застилают полы домов. Плетутся из тростника игуса и набиваются рисовой соломой, хотя в последнее время для набивки используется и синтетическая вата.

и подмигивая, переливалась ночными огнями Осака. Так близко – и так далеко...

И тут до меня дошло.

В КОМНАТЕ НЕТ ДУША.

И ещё.

И ТУАЛЕТ У НАС БУДЕТ ОБЩИЙ?!

...Осторожно придерживая полотенце и мочалку, выйдя из душевой с гелем для душа в зубах, я ногой открыла дверь в комнату. Ногой же и закрыла. Открыла чемодан и достала оттуда внушительных размеров косметичку.

На общем умывальнике в коридоре друг за другом постепенно выстроились масло для снятия макияжа, антибактериальный гель, скраб, бальзам для глаз и крем для лица.

Проходившая мимо Верблюжий Свитер взглянула на мой косметический прилавок как-то косо, но ничего не сказала. Я мило улыбнувшись ей и достала бутылек с термальной водой. За зубной пастой, правда, пришлось вернуться в комнату.

...Вычищенная и вымытая, я заправила казённым бельем кровать и выключила свет. Голова коснулась чего-то жесткого. Я потрогала подушку: она была набита некой подозрительной субстанцией вроде мелких бобов.

«Тут тебе не гостиница и даже не лондонский колледж, – пробормотала я себе, засыпая. – Тут, видишь ли, японская

общага. Ничего, привыкай».

* * *

В общежитии узнаешь много новых, интересных вещей.

Например, что оно на самом деле мужское. И только пятый этаж выделен нам, женщинам. Узнав об этом, я больше не удивляюсь африканским мальчикам, постоянно встречающимся в лифте.

Рано утром начинают петь вьетнамские студентки, живущие в другом конце коридора. Это у них какой-то национальный обычай – голосить в семь утра. Что просто-таки бесит Ларису (Верблюжий Свитер), потому что они её постоянно будят. Меня будят не они, а вопли с расположенного рядом футбольного поля: безумные чуваки, одетые в какие-то доспехи, собираются уже часов с восьми, орут и набрасываются друг на друга.

Кухня у нас общая на весь этаж. К тому времени, когда я просыпаюсь, вьетнамки дружной оравой уже варят ланч из китайской капусты. Я и сама-то не модель, но они мне все по плечо.

– Охаё!⁴ – говорю я им по-японски.

– Коннитива!⁵ – улыбаясь, отвечают они хором.

Я открываю общий холодильник и беру свою пачку моло-

⁴ Доброе утро!

⁵ Добрый день!

ка, чтобы залить хлопья. Мне кажется, кто-то им регулярно пользуется. Как и моим маслом. Этот кто-то, видимо, логично считает, что если холодильник общий, то и его содержимое тоже общее. Хотя, если честно, вчера, когда моё молоко закончилось, я сама тайком отлила у Ларисы. Вот высоченная болгарка Албена уже стала подписывать свои продукты. Она очень умная и все время занимается: ей нужна пища для быстрого мозгового функционирования.

А моя соседка Марьяна из Венгрии купила себе личный холодильник. Что она с ним будет делать в конце учёбы, я не знаю. Марьяна полненькая, эмоциональная, носит очки и все время сидит в своей комнате. Иногда я слышу, как она на венгерском с кем-то ругается по телефону. Хотя, может, она так общается.

Кухонная утварь у нас тоже практически общая. Теми тремя сковородками, которые купили Албена, Марьяна и Лариса, пользуется весь этаж. Разумеется, об этом знают все, кроме них. Вьетнамки свою посуду на кухне не оставляют, а мудро уносят в с собой комнаты.

Готовим мы с Ларисой и Женькой (симпатичной) сообща, на Ларискиной сковородке. А иногда мы идем готовить в Женькину общагу рядом: она женская, поновее, и кухня там побольше. Женька сковородку еще не купила, поэтому потихоньку заимствует у соседней румынки. В первую же готовку открылась моя полная профнепригодность.

– Ты что, не умеешь чистить картошку?! – удивилась Ла-

риса с таким видом, как будто это самый важный навык в жизни.

– Наверно, нет, – пожала плечами я и продолжила скоблить картофелину ножом.

– Нужно делать не так! А вот как! – Она выхватила у меня нож и начала ловко снимать шкуру.

– О'кей, я попробую, – сказала я и чуть не отрезала себе палец. – Ух ты! Мне кажется, получается!

В комнатах у нас, понятное дело, никто не убирается. Купленные недавно перчатки для мытья пола я отдала Ларисе: все равно я пол мыть не умею. Та теперь носится каждое утро в перчатках и с тазом в туалет и обратно. Я же купила себе влажные салфетки: протираю ими те участки пола, которые кажутся особенно грязными.

А вчера я впервые сама загрузила белье в стиралку и даже включила её кнопками-иероглифами. Машинки в общежитии какие-то японские простейшие. Они стирают холодной водой на одной программе и не вращают белье в барабане, а просто мешают его, как в ступке, слева-направо. Разумеется, ничего не отстирывают. После стиралки белье перекладывается в автоматы сушилки. Если ты ушел из стиральной комнаты до того, как сушка окончится, то горе тебе – в следующий раз найдешь свое белье вываленным где-нибудь рядом, а сушилку занятой чужими вещами.

Тут у нас, понимаешь ли, очередь.

– Марина, как ты? Справляешься в общежитии? – тревож-

но спрашивала меня мама по телефону. – Как учеба? Как страна?

– Да, мам! Тут все замечательно, – радостно отвечала я. – Учеба пока не началась, но я уже умею стирать и чистить картошку! Мне нравится в Японии!

* * *

Сегодня мы с Женькой и Ларисой смело спустились с нашей деревенской горы в поисках крупного продуктового. Мы шли мимо японских домиков с изогнутыми крышами, и на каждой двери красовалась табличка с именем хозяина. В садиках домов росли кудрявые деревца бонсай⁶. Благовоспитанные японские собаки сиба⁷ не лаяли, а лишь удивлённо смотрели нам вслед.

Продуктовый нашёлся быстро. По устройству он был похож на европейский. За тем отличием, что в нём не было развесного сыра и колбасы. В мясном отделе были аккуратно расфасованные и по-разному порезанные говядина, свинина, курица производства Австралии и Америки и отдельная стойка для пронизанного красивыми узорами алого японского мяса.

⁶ Бонсай – искусство выращивания точной копии настоящего дерева в миниатюре.

⁷ Сиба-ину – порода охотничьих собак, выведенная на японском острове Хонсю.

– Мраморное! – догадались мы.

Еще в японском супермаркете не было сметаны, оливок, соленых огурчиков и «Рафаэлло». Зато были японские сладости из рисовой муки, мороженое из зеленого чая и соленые печенюшки со вкусом рыбы. Не было наших гречки, манки, пшенки, даже обычного геркулеса! Зато продавались гречневая лапша и десятки видов риса. Вино обнаружилось в весьма ограниченном выборе из пяти марок, из них одно японское сливовое. Водки вообще не имелось в наличии, зато на полках красовались разноцветные бутылки саке и японских настоек из картофеля, овса и еще чего-то, что мы не могли прочесть – слишком сложный иероглиф. Мы не нашли нужной для борща свеклы, зато обнаружили кучу продуктов, которые видели впервые в жизни. Широко открыв глаза, мы шли вдоль рядов невиданных листьев, овощей, корений, солений и каких-то совершенно непонятных субстанций, по слогам читая названия:

– Мизу-на, сё-га, и-май-мо, кон-няку, то-фу... Ааа, тофу! Тофу мы знаем! – радовались мы и продолжали: – Э-рин-ги, сии-такэ...

Все вчетвером мы задержались у холодильных полок, разглядывая десятки видов рыб и морепродуктов, красиво лежащих на льду.

– Ой, я еще никогда не видела осьминога, – тихо призналась Женя.

– Всё, что я могу здесь узнать в лицо, – это семга, – за-

ключила я.

– А вот это похоже на нашу селедку. – Она разглядывала какую-то блестящую рыбину.

– Смотрите, а тут написано «магуро»! Это же тунец по-японски! – блистала познаниями Лариса.

Мы повернули головы и уставились на тунца. До этого он был нам знаком исключительно по консервам.

– А я и не знала, что тунец красный, – удивилась Женька. – В банках он такой бледненький...

– Девчонки, а сколько они всяких моллюсков едят! Смотрите, какие-то кай-ба-си-ра... хо-та-тэ... И икры всякой! Мэн-тай-ко... и-ку-ра... Ой! – Я резко замолчала и еще раз сверилась с ценником.

Там было написано ИКРА. Совершенно японскими буквами было написано совершенно русское слово. Мы стояли и пялились на прозрачную упаковку красной икры с этикеткой.

– Это чё значит, японцы икру икрой называют, что ли?

– Наверно, из русского перешло в японский, – предположила Женька.

– А вы что, не знали? – пожала плечами Лариса. – Они уже давно считают это слово за свое. И хираганой⁸ пишут.

– Ммм! – протянула я.

– А, точно! – вспомнила Женька. – Но у нас икрой назы-

⁸ Хирагана – японская слоговая азбука, одна из составляющих японской письменности наряду с катаканой, кандзи, арабскими цифрами и ромадзи.

вают любую икру, а в японском – только лососевую.

– А как тогда они называют черную? – поинтересовалась я.

– Кажется, «кявиа».

– То есть красную икру они взяли с русского, а черную – с английского?

– Да, в японском много заимствованных слов. Вот сигареты, «табако», – с португальского! А подработка, «арубайто», – с немецкого! – назидательно поучала Лариса.

– Ладно, девчонки, – сказала я. – Пойдемте-ка лучше возьмем итальянских спагетти на ужин.

И мы пошли в отдел, который уж точно есть в каждом супермаркете любой страны. В объединяющий и примиряющий национальные вкусовые особенности отдел компромиса. В интернациональный отдел макарон.

* * *

В полдень все иностранные студенты оживленно толпились перед высокими дверьми. Нам обещали банкет, поэтому никто сегодня не завтракал. Наконец двери распахнулись, и студенты потоком ринулись в залу приемов с большим столом, вокруг которого стояли наши будущие учителя, директора и всякие высокопоставленные лица.

В течение долгих торжественных речей мы дружно исходили слюной. На банкетных столах красовались сочные су-

ши, возлежали салаты, ароматно дымилось горячее в больших серебряных блюдах... Наконец, после всех бесконечных приветствий со стороны университета и Министерства образования Японии, нас попросили к столу.

Собственно, долго нас просить не пришлось. Голодным табуном студенты бросились на еду, как иностранные беженцы на японскую гуманитарную помощь. Вместе со всеми я тоже было кинулась к манящей пище... Но остановилась. Из приборов на столе присутствовали только палочки. Вилки не было.

Я беспомощно оглянулась по сторонам и увидела, как остальные умело орудуют двумя тонкими дощечками, ловко поддевая мясо, спагетти, брокколи. Прямо передо мной, аппетитно лоснясь, призывно пестрели суши. «Лежат суши – нельзя скушать», – мрачно подумала я, и мне захотелось рыдать. Вокруг довольно жевали, уплетали, причмокивали. Желудок съёжился от голода. Тогда я сглотнула слюну и решилась.

– Закрой меня на минутку, пожалуйста, – попросила я стоящую рядом Женю. Она послушно прикрыла меня спиной.

Неумело схватив палочки, я попыталась пошевелить ими, но ничего не вышло.

Я присмотрелась, как держит их стоявший неподалеку долговязый парень. Зажала в руке так, как он. Подрыгала верхней палочкой. Поклацала ими друг об друга... И ухватила суши. У меня получилось!

Когда я уничтожила почти все суши на блюде, ко мне подошел один из учителей.

– Вы отлично владеете палочками! – воскликнул он.

– Спасибо, – промычала я с достоинством и полным ртом.

«Минут семь как в руки взяла», – хотела добавить я, но семга во рту мне помешала.

Так голод учит иностранного студента суровым реалиям японской жизни.

* * *

На распределительном тесте по японскому мы все сидели по трое за партой. Я рассматривала затылки белокурых девочек впереди, которые почему-то казались мне немками. Я уже подписала все иероглифы, и делать больше было нечего. Я по-японски как собака – только говорить не могу, а так всё понимаю. И иероглифов знаю кучу, что-то около 2000. Какой-то смазливый парень с параллельного ряда всё пытался привлечь мое внимание таинственными знаками, которые я решительно игнорировала. После десятиминутного игнорирования я сообразила, что они предназначались вовсе не мне, а Женьке. Тут же решила, что сидящий справа блондин в очках гораздо симпатичнее.

После теста всех отпустили восвояси, но студенты не торопились расходиться. Как слетевшиеся с разных концов света насекомые, они собирались в небольшие группы и при-

ветственно жужжали в холле, пытаясь вступить в контакт с как можно большим количеством себе подобных. Мы стояли у входа в корпус: я, Женя, Лариса и три парня, одним из которых был тот, что делал знаки Женьке. Он оказался итальянцем Стефано из Неаполя.

– Японцы зовут меня просто Сте, – почему-то гордо заявил он. Кроме маленького роста, своеобразной внешности и спущенных донельзя джинсов, у Стефано был еще прекрасный японский.

– А мое имя Жан, и все зовут меня просто Жан, – представился нам стройный блондин в очках, и «н» в нос сразу выдала в нем француза.

– А меня зовут Андрий, можете говорить со мной по-русски, – с красноречивым «г» сказал парень в оранжевой рубашке.

К нам подошли белокурые девушки, которые оказались поляками. Потом высокий и худой американец Трэвис. Сверкающий белозубой улыбкой на смуглом лице иранец Реза. Белокожий новозеландец Тим, темноволосый филиппинец Иен.

Обсуждались вопросы первичной важности – кто, откуда, будет ли поступать в аспирантуру, пьет ли пиво или другие напитки... Стефано вещал про жизнь в Италии, я иногда переспрашивала его по-английски. Этот язык у Стефано был не столь блестящ, как японский, поэтому в конце концов он не выдержал.

– Почему ты не говоришь по-японски, Марина?! – возмутился он.

Гордость не позволила мне ответить, что я просто не могу.

– Если ты не в курсе, то международный язык – английский, – пытаюсь выглядеть достойно, парировала я.

– Да, но сейчас-то мы в Японии, – не унимался Стефано. – Будь любезна, говори, как здесь принято!

Я подумала и не нашла что ответить.

– Стефано, да пошел ты, – сказала я. – Говорю, как хочу. Больше Сте спорить не стал.

С этого дня мы подружились.

* * *

Знаете, что стоит в Японии на каждом углу? Нет, не гейши. И не небоскрёбы. И даже не сакура.

На каждом углу в Японии стоят комбини. Это что-то вроде наших киосков и павильонов, только модернизированные, географически рационализированные, открытые 24 часа в сутки и с по-японски вежливым персоналом. Это было чудо.

Сначала сложно было поверить в то, что даже в нашей гористой местности возможно приобрести товары первой и не очень необходимости в любое время суток. Что достаточно только спуститься с нашей горы вниз минут пять. Поэтому мы как-то с девчонками даже специально ходили ночью посмотреть – а вдруг продавцы всё же заснули или уеха-

ли, закрыв магазин из-за отсутствия покупателей? Но нет – комбини всегда готово и приветливо открывало нам автоматические стеклянные двери своего неподвластного течению времени продовольственного рая. И само слово «комбини», краткий японовариант от «convenience store⁹», звучало для нас совершенно по-особому. Оно означало оазис еды, питья, алкоголя и средств гигиены 24 часа в сутки среди нашей горной пустыни.

Позже я поняла, что комбини в Японии существуют везде и всюду. Кажется, они есть даже там, где вообще больше ничего нет – просто на всякий случай, как символ цивилизации, ярко светящий своим флюоресцентом в темноту дикого космоса. И я готова петь дифирамбы этой победе человеческого разума над ночью, первобытным страхом и сельской местностью. И, поверьте, не я одна.

Стефано был страстно очарован японскими комбини. Сначала он долго матерился про то, как ему осточертело, что ночью в Италии невозможно купить ни хрена (не совсем дословный перевод). Потом заявил, что непременно откроет комбини в Неаполе, если, конечно, мафия его не убьёт. Того же самого намерения были полны все иностранные студенты, особенно ранним утром, когда все остальные магазины ещё закрыты, а они после клуба голодные возвращались в универ. Комбини благодарна половина моего общежития, когда ночью оно приветливо распахивает свои двери и услужливо

⁹ Небольшой магазин, открытый допоздна, а иногда и круглосуточно (*англ.*).

сбывает всем пиво и виски в неограниченных количествах. И именно в комбини бегал американец Трэвис ночью за резиновыми изделиями № 1 и, стыдливо потупив глаза, просил дать ему «биг сайз»...

Короче, без комбини мы и все остальные японцы влачили бы жалкое существование, лишённое радостей жизни. Ведь там есть всё необходимое человечеству: от воды до пирожных, от бритв до чулок и прокладок, от батареек до туалетной бумаги и модных журналов. Здесь можно сделать ксерокопии, отсюда можно отправить факс. В комбини всегда есть туалет, телефон, банкомат, почта и аппарат для коммунальных платежей. И мне кажется, что если бы остальные магазины закрылись, фирмы разорились и вообще Японию накрыло медным тазом, то японцы бы, как в ковчеге, закупорились в близлежащих комбини. И не только пережили бы потоп, но и с комфортом просуществовали в них до восстановления в стране порядка, экономического роста и рождения нового наследника в императорской семье.

* * *

Оказывается, когда нет денег, то узнаешь много нового. Не, ну как – «нет». Нам выдали стипендию – целых 135 000 иен. Звучит неплохо, да?

Но оказалось, что много нулей в иенах – ещё не повод для радости! Как минимум 2 из них надо отбросить, чтобы по-

нимать сумму в твёрдой американской... Получилось около 1300 баксов, 300 из которых идёт на общагу. Итого, 1000 долларов в сухом остатке.

На первый взгляд жить можно. Только вот на автобус до ближайшей станции из нашей гористой местности и обратно уходит 5 долларов. На электричку – ещё столько же... Короче, я быстро поняла: придётся быть экономной.

Оказалось, что за один поход в продуктовый можно потратить от 10 до 200 баксов. Теперь я составляю список нужных вещей, а не хватаю с полок всё, что приглянулось. Так как с математикой я не дружу, то иногда приходилось отказываться от некоторых вещей прямо на кассе. Стыдно, конечно, но такова цена экономии.

До приезда в Японию я имела смутные представления о том, где, как и почём продаётся мясо. Зато теперь я отлично знаю, сколько стоит 100 граммов говядины в Стране восходящего солнца. Где-то 5 баксов. Да-да, в Японии она продаётся по граммам, не по кило. Самая дорогая – японоговядина, то самое «мраморное мясо». Цены на него взлетают до небес – 1 доллар за грамм! Я также знаю, что в Японии свинину и говядину продают незамороженными, уже без костей и тонко нарезанными, в пластиковых расфасовках на одну готовку. Знаю, что курица дешевле говядины: четыре ножки стоят всего 3 доллара.

Морепродукты в Японии стоят дешевле мяса. За 3–4 доллара можно купить кусочек вареного осьминожка или пачку

свежих креветок. Суши и сашими, в зависимости от магазина, можно купить за 5 долларов, а можно и за 25. Основным деликатесом считаются жирные части тунца «тю-торо» и «оторо». Для нас они, конечно, непозволительная роскошь, но мы все равно иногда стоим напротив красивых витрин, щедро пуская слюну. Потом, пересчитав наличность, шли к более доступным роллам с огурцом...

Кроме этого, теперь я знаю, что в Японии ужасно дорогие овощи и фрукты. По крайней мере для нас, бедных правительственных студентов. Недавно видела упаковку из четырех помидоров за 1000 иен. Десять баксов за четыре несчастных помидора!

На свою стипендию я могу приобрести 440 помидоров и целый месяц есть только их. Клубника стоит 6–7 долларов за небольшую пачку. Яблоки – и те около 2 долларов каждое. Самые дорогие овощи и фрукты – в больших универмагах. Мы зашли было туда с девчонками, но быстро убежали. Там все продукты какие-то отборные – наверное, выращенные строго на экологически чистых японских полях. Странно: у нас обычно свои продукты дешевле, а в Японии – наоборот. Вот это, наверное, качество...

Жаль, нам на нашу стипендию его не попробовать.

* * *

На сиденьях из зелёного бархата мы уплетали суши. Сле-

ва, справа и впереди нас сидели японцы. Не смущаясь, мы обмазывали суши васаби и поливали их соевым соусом. Нет, мы не в ресторане местной кухни. Мы – в вагоне японской электрички.

Думать, что в японском метро действует служба доставки суши – ошибка. Суши мы, иностранные студенты, приобрели в станционном мини-маркете. Вообще-то есть в вагоне, конечно, нельзя. Но нам, голодным инородным существам, прощается.

– О-ля-ля, смотрите, они все с «Люи Виттон», – говорит француз Жан, проглатывая кальмара.

Перед нами сидела бабушка лет 80, сжимающая что-то вроде хозяйственной сумки коричневатого цвета. На плече живописной японской дивы в мини-юбке красовалась вещь-ца того же бренда.

– Но они даже не подбирают их под одежду! – критично замечает Стефано. – К таким сумкам и обувь должна подходить...

– Да ты шо! Какая разница! Это же «Луи Виттон»! Тут можно хоть вообще холым! – съязвил украинец Андрей.

– А что такое луивэтон? – тихо спрашивает меня Бермет, студентка из Киргизстана.

Я прекрасно понимаю её. В моём сибирском городе тоже нет такого магазина. Большинство людей мирно живёт себе и не знает, ни кто такой Луи Виттон, ни что он выпускает, ни каких бешеных денег стоит его кожзам с характерными

инициалами. Пусть даже очень хорошо простроченный.

А ведь в Японии тоже было время, когда бренды могли позволить себе единицы. Но японцы много работали и успешно его преодолели. В стране, где дорогие марки стали доступны среднему классу, теперь сложнее удивить их отсутствием, нежели наличием. И тем не менее любовь японского народа к брендам «Луи Виттон», «Ролекс» или «Мерседес» не ослабевает до сих пор. Вне зависимости от экономических взлётов и падений, смен президентов, колебаний курса валют – в нашем зыбком и непостоянном мире вечные ценности развитого капитализма остаются неизменны.

– Смотри-ка, и у тебя кошелёк «Луи Виттон», – говорю я японской студентке Норико, которая едет вместе с нами.

– Да, но пока только кошелёк, – вздыхает Норико.

– Ну, твои ли годы! Глядишь, ещё и чемодан будет! – смеюсь я.

Но молодой японке было не до шуток.

– Да, я надеюсь... – сдвинув брови, в раздумье произносит она.

Так из символа престижа Луи Виттон и ему подобные стали мерилom жизненного успеха. Из диковинки они превратились в норматив, который нужно взять, дабы стать полноценным членом японского общества. Съесть рыбу-меч, посадить сакуру, купить что-нибудь из «Луи Виттон». Ну, или «Эрмес». На худой конец, «Феррагамо».

Хочешь ты того или нет, но по прошествии нескольких

недель в Японии продукцию марки Виттон ты начинаешь узнавать издалека.

Наверное, это – часть того common knowledge¹⁰, который постигаешь в обществе развитого капитализма.

...Когда наша электричка подъехала к конечной станции, Жан весело говорит:

– О, так смешно! Это может быть только в Жапон! Если в парижской электричке я увижу девушку с Люи Виттон, я подумаю: «О-ля-ля, где же твой лимюзин, мадам? Ах, наверное, он сломался у входа в метро!»

* * *

Ранним осенним утром нас, иностранных студентов, оторвали от тёплых общажных постелей, погрузили в автобусы и в организованном порядке повезли навстречу неизведанной Японии. Наш путь лежал на север, в буддистский монастырь, где зимой так же, как и в Сибири, валит снег.

Храм Эйхэйдзи с изгибистыми крышами стоял в роще тысячелетних кедров и спокойно наблюдал, как несколько десятков инородных существ снимают свои кеды и босыми ногами ступают на его гладкие деревянные половицы. Здесь пахло хвоей и благовониями. Мы шли по гулким коридорам,

¹⁰ Всем известный факт (англ.)

иногда встречая послушников в монашеских рясах. Я ожидала увидеть соловецких бородатых иноков, одетых в лохмотья, питающихся водой и дикими ягодами, суровых на лицо и погруженных в медитацию. Вместо этого иноки оказались чисто выбритыми до сверкающей головы, одетыми в ладно сшитые по фигуре костюмы, приветливыми и с виду весьма удовлетворенными своей затворнической жизнью.

В коридоре древнего храма я заметила телефон-автомат – видимо, для экстренной связи с Буддой. Тут и там горели значки пожарных выходов. Может, у японских монахов в кельях стоят ноуты Sony и скоростной Wi-Fi?

А почему бы нет. Это мы упрямо считаем, что некоторые вещи соединять нельзя. А то, мол, теряется атмосфера. Разрушается концепт. Религиозное и мирское у нас как два полюса – не только не соприкасаются, но и почти отрицают друг друга.

А буддизм не запаривается. Он проще и реалистичней. Не отрицает, но принимает. Не порицает и не принуждает, не пытается перекричать другие религии. Просто спокойно и терпеливо излагает тем, кто хочет слушать. Он рассказывает им о понимании, гармонии и знании меры. О поступках и мыслях. О достойной жизни и об уходе без страха и сожаления.

Я стояла и одну за другой читала вывешенные на досках истины дзэна:

«Зерна и овощи – это жизнь.
Мясо и рыба – это жизнь.
Благодаря этим жизням
Живем мы.
Примем же пищу с благодарностью
За эти бесценные для нас жизни».

Здесь не было ничего про надрыв и пафос. Зато было про простые вещи, среди которых мы живем каждый день.

«Аккуратно ставя обувь, мы привносим гармонию в свою душу.
Когда душа гармонична, то и обувь стоит ровно.
Если поставить обувь ровно, когда мы ее сняли,
Ничто не потревожит душу при надевании.
Если кто-то бросил обувь в беспорядке,
Давайте молча поставим ее на место.
Такое действие наверняка
Принесет гармонию душе всего мира».

Перед выходом я внимательно изучила, насколько гармонично стоят мои шлёпки...

«Рожденные умрут.
Встретившиеся расстанутся.
Обретенное будет утеряно.
Построенное разрушится.
Время летит, как стрела.
Ничто не вечно.

Есть ли в этом мире что-то
Неподвластное времени?..»

Мне вдруг так захотелось найти хотя бы что-то. Я всё думала над этим, пока автобус мчал нас по дорогам северной Японии в старинный японский отель, где нас ждал ужин, мягкий футон¹¹ и онсэн – купальня на горячем источнике...

Ужин был грандиозный. Несколько десятков иностранцев, одетых в полосатые гостиничные кимоно, преклонили колени перед низкими столами с японской едой.

Её было много, и она вся была разная. Были сашими, крабы, обязательный мисо-суп, рис и соленья-варенья вкуса такого же нечётко выраженного, как и смысл японского предложения. Я мысленно поблагодарила все эти вкусные жизни, даже не зная их названия. С какой же жизни мне прикончить – ой, простите, – начать первой?

Пар медленно поднимался прямо в осеннюю ночь. Мы полулежали на тёплых камнях по самую шею в горячей воде и вдыхали холодный воздух. Вокруг – только зелёные ветви японских сосен, а выше, над нами, – только звёзды в огромном, почти чёрном небе. Мы поднимали головы и смотрели в перевёрнутую бездну вселенной. И возможно, вселенная тоже смотрела на нас...

¹¹ Футон – традиционная японская постельная принадлежность в виде толстого хлопчатобумажного матраца, расстилаемого на ночь для сна и убираемого утром в шкаф.

Нежась в источнике, я думала: как хорошо, что после полуночи гендерные ограничения исчезают, как тыква, и можно прийти вот так, всей оравой. И ещё хорошо, что тут в это время нет японцев. А то они бы очень удивились, глядя, как большие иностранные парни в трусах и стройные (и не очень) иностранки в бикини возмущают воды благопристойной японокупальни. А вид того, как горячий американский парень Трэвис снимает свои трусы под водой и машет ими куда-то во вселенную, мог бы и вовсе повергнуть их в глубокий шок. Что в водных заведениях, кстати, очень небезопасно. Но, к примеру, Стефано, будучи итальянцем, воскликнул только, указывая пальцем в определённом направлении:

– Трэвис, я вижу твои орешки кешью!

Все внимательно посмотрели на место, где недавно были плавки Трэвиса. Полячка Эва задумчиво произнесла:

– Стефано, это не кешью! Это – бразильские орехи.

После этого среди парней завязался важный спор о величине орехов. А наблюдающая за этим Вселенная, наверное, думала: «Вот уже сколько лет ты живёшь на Земле, хо-мо сапиенс. Ты построил ё-мобиль, написал Джоконду, снял «Аватар», изобрёл радио и 145-й айфон. И всё равно ты занимаешься той же фигнёй, что и в начале. Ты нисколько не изменился...»

И очень хотелось думать, что хотя бы тупость разум неподвластен времени.

Надеюсь, что Вселенная, глядя на нас, улыбалась. Хотя бы

чуть-чуть.

* * *

– Что, всё-всё по 100 иен?! Не может быть! – ликовали мы, проходя меж прилавками со всем на свете. Это же меньше 1 доллара!

Здесь были тарелки и вилки, коврики и плечики, косметика и блокнотики, фонарики и сумочки. Нам казалось, что нам нужно всё. И ещё нам казалось: в Японии всё жутко дешёво. Но всё это жутко дешёвое сконцентрировано в отдельно взятых местах – хякуэн-шопах.

Хякуэн по-японски означает «100 иен». А ещё это означает коммунистический рай, где все товары, от поварёшки до одеяла, стоят меньше доллара. Мы торжествовали. Нам казалось, что за пределами этого рая бушевал жестокий мир обдирающего капитализма с его убийственными 10 долларами за четыре помидора. Нам казалось, что это божий дар или гуманитарная помощь японского народа малоимущим, то есть нам. Но вскоре мы поняли, что это просто хитрый обман.

Хякуэн-шоп – волшебный магазин, расчётливо созданный японцами специально для наивных иностранных студентов, изначально падких на всякое дешёвое барахло по причине перманентной нехватки как барахла, так и денег. Зайдя в магазин, студенты сначала теряли дар речи, потом с

ними происходило временное помешательство. В результате чего они начинали хватать с полок все нужные и ненужные им товары и засовывать их в свою потребительскую корзину. Потом, уже дома приходя в себя, они с удивлением обнаруживали у себя в пакетах такие чисто японские штучки, как, например, напальчники для выдавливания прыщей. Или пакет, который надевается на голову, чтобы не помять причёску при надевании платья. Или даже специальный аппарат для того, чтобы вставлять нитку в иголку! И думали – что это на меня нашло. У меня и платьев-то нет, одни джинсы. И потом, за отсутствием другого применения, используют головной пакет вместо мусорного.

Так было и в первый, и во второй, и в десятый раз посещения 100-иенника. Мы понимали, что все там заколдовано, что мы обязательно попадём под гипноз и снова будет то же самое, – и всё же какая-то непреодолимая сила упрямо влекла нас ТУДА. В место, где всегда найдётся десяток-другой вещей, которые нам просто позарез необходимы. Но если мы не попадём туда, то никогда не узнаем, какие...

* * *

– Не, а вы сами-то поняли, как садиться на этот унитаз?! – Приехавший к нам в гости Кирилл взмахнул делился опытом покорения Японии. То есть некоторых её мест.

Я и Женя встретили Кирилла на ближайшей к нам стан-

ции и теперь ждали автобуса в универ.

– Я сначала вообще типа пользовался им задом наперёд! У меня в универе, прикиньте, в учебнике японского есть прям наглядные иллюстрации! В какую сторону лицом, а в какую... ну, другим местом!

Японские туалеты – одно из самых ярких впечатлений после сакуры, «синкансэн»¹², комбини и Луи Виттона. А так как сакуры мы еще не видели, то пока удивлялись вещам более жизненным. Сами японцы различают два вида туалетов – «васики», то есть традиционно японский, и «йосики» – нормальный западный унитаз. Если увидеть «васики» – туалет впервые, можно сначала впасть в ступор. Он выглядит как утопленная в полу чаша унитаза, которую с одной стороны прикрывает полусфера с рычажком для смыва. Казалось бы, такие продвинутые технически японцы, а до сих пор писают в канавку в полу, как на дачах в Советском Союзе. Нет, разумеется, теперь к канавке подведён водопровод, а сама она сделана из керамики высокого качества. Но факт остается фактом: многие японцы до сих пор не признают унитазов и при наличии выбора обязательно пользуются родной канавкой. Чтут, наверное, традиции предков...

Поначалу мы, как и привыкли в СССР, присаживались над японским туалетом попой в сторону смыва. Секрет пользования открылся нам только после рассказа Кирилла. Это

¹² «Синкансэн» – высокоскоростная сеть железных дорог в Японии, предназначенная для перевозки пассажиров между крупными городами страны.

он привнёс культуру в массы и всё нам наглядно продемонстрировал прямо на станционном туалете. По счастливой случайности там не оказалось японцев – они бы, наверно, весьма удивились группе иностранцев, изучающей японский тубзик. Оказалось, что к полусфере нужно не попой, а лицом! Наверное, чтобы не разбрызгивалось.

– Ммм! – глубокомысленно сказали мы. – В этом что-то есть.

Японцы и здесь придумали что-то своё, национально-рациональное.

* * *

– Кажется, вот это их дом, – показала Женька на серый особняк с гнутой черепичной крышей.

Мы шли в гости к ее хост-фэмили. Это японская семья, на которую «подписываются» иностранные студенты на время пребывания в Японии. Семья с ними общается, время от времени возит их на природу и периодически кормит ужинами – если те хорошо себя ведут. Я на хост-фэмили не подписывалась, так как после опыта проживания в английской семье с опаской отношусь к лотерее в виде «приемных» родителей. Вдруг они мне не понравятся, а я из природной скромности не смогу от них отказаться?

Женька позвонила; дверь нам открыл глава семьи, крепкий старичок Ёсида. Он был представителен и немногосло-

вен. Маленькая энергичная жена Ёсида-сана поприветствовала нас поклоном из-за его спины и сразу убежала в гостиную.

Мы разулись перед высокой ступенькой в коридоре. Увидев ее, я наконец-то поняла, почему в японских диалогах гостям говорят не «проходите», а «поднимайтесь, пожалуйста». Аккуратно составив обувь (само собой!), мы прошли в гостиную. Первым делом я внимательно присмотрелась к стенам: они были не из рисовой бумаги. Но все равно очень тонкие. Я тайком постучала по одной: звук был похож на легкий гипсокартон. «Рисовый», – решила я.

Гостиная была заставлена мебелью тёмного дерева: шкафы, тумбы, стол и огромный телевизор Sharp на стене. Окно закрывали плотные длинные шторы. Комнату освещала круглая лампа, источающая белый флюоресцентный свет. «Энергосберегающая», – пришло в голову мне.

Мы опустились на японские напольные подушки. На низком столе перед нами возлежали загадочные ингредиенты: порошок нори, зеленый лук, мука, креветки, яйца, капуста, мясо, коричневый соус и еще какие-то незнакомые субстанции.

– Вы когда-нибудь пробовали окономияки? – строго осведомился Ёсида-сан.

Мы отрицательно замотали головой.

– Это традиционное осакское блюдо, – назидательно сказал он.

– Посмотрим, как вам понравится! – радостно прощече-

тала его маленькая жена.

Окономияки оказались капустно-луковым омлетом с мясом под сладким японским соусом, посыпанным хлопьями из сушеного магуро. Только жарят его не на плите, а прямо на столе, на специальной жаровне. Оказалось, дословно «окономияки» переводится как «запекай по вкусу».

– Сюда можно добавлять всё, что хочешь, – объяснял Ёсида-сан. – Вместо мяса – сосиски! Или кальмар порезать.

Жена Ёсиды, как заправский шеф, мастерски переворачивала круглый омлетик лопаткой и, нарезая, как торт, отправляла в тарелки. Поблагодарив нашу сегодняшнюю пищу, мы всю уплетали окономияки палочками. Было вкусно. Всё-таки японская еда – сладкая. Может быть, дело во всех этих соусах. Мы уже пробовали почти все «яки»: сукияки, тако-яки и окономияки, и все они имеют сладковатый вкус. Даже суши отдают сладостью – наверное, из-за уксуса. Я наконец поняла, что японцы имеют в виду, спрашивая: «Какой вкус у русских блюд?» Наши блюда точно не сладкие. Они – соленые.

После окономияки на десерт были рисовые лепешки с начинкой из сладких бобов. И настоящий зеленый чай матча, который жена Ёсиды-сана готовила сама. Мы наблюдали за ее движениями – в умелых руках процесс казался простым и естественным. Пить было еще приятнее, чем смотреть. Мы выпили по три кружки и по очереди побежали в туалет.

Первое, что меня удивило в японской туалетной комнат-

ке, – это отдельные тапочки. Японцы по дому ходят босиком, но в туалете предпочитают обуваться. Зато, слава богу, в туалете у Ёсид стоял наш родной унитаз – после экономии корчиться над японской канавкой было бы весьма сложно. Я опустилась на сиденье и почувствовала приятную теплоту: пластик был с подогревом. Под правой рукой обнаружилась целая панель круглых кнопок. Унитаз был управляем.

Наша общага не была оборудована такой роскошью, поэтому я впервые в жизни столкнулась с японскими высокими туалетными технологиями. Широко раскрыв глаза, одну за другой я читала надписи на кнопках: «температура воды», «подогрев сиденья», «биде», «попа», «напор воды», «сушка», «громкий звук». Меня обуял страх. Я вышла из туалета под таким впечатлением, что даже забыла снять туалетные тапочки и так и прошла в комнату. Пришлось возвращаться под дружный ржач Женьки и хозяев дома.

Уже по дороге домой я вспомнила:

– Жень, я не поняла. Это что было? На унитазах?

– Ой, ты про кнопки?! Слушай, я же нажала на «биде». А он меня как обольёт, блин! Я ж попробовать только, а он мне юбку намочил, гад...

* * *

В следующий поход в гости к Женькиной хост-фэмили я решила-таки перепробовать все унитазные кнопки. Улучив

момент, я закрылась в туалете, опустилась на тёплое сиденье и методом тыка надавила на первую кнопку с картинкой фонтанчика. Из унитаза забила струйка воды. Я решила подождать, когда это кончится. Через несколько минут я поняла, что брызжащая вверх вода не собирается останавливаться. Меня охватил приступ паники. Я начала изо всей силы жать на кнопку «фонтанчика» снова и снова, но струйка продолжала бить. Может, она на фотоэлементе? Я попробовала было встать с унитаза – но вода, потеряв препятствие в виде меня, в свободном полёте начала хлестать прямо на пол в ванной. Я срочно бросилась обратно на амбразуру. Наконец, когда я уже в отчаянии представляла себе, что никогда отсюда не выйду, потому что кому-то же надо сдерживать собой нескончаемую воду, мой взгляд упал на волшебную кнопку «стоп». Стремительно нажав её, я радостно выдохнула... И, немного отойдя от стресса, протянула руку к следующей картинке – «попа».

В испытательном процессе нажимания кнопок и верчения рычажков туалетной чудо-машины выражение моего лица приобретало то испуганное, то удивлённо-восхищённое, то недоумённое выражение. Наверное, меня уже потеряли, пока я увлеченно настраивала различные температуры, напоры струй и виды сушки. Зато всего за 20 минут в гостевой уборной я приобрела ценнейшие навыки управления японскими высокотуалетными технологиями.

– Представляешь – мытьё-сушка-укладка! Класс! – вос-

хищённо делилась я с Женей дома. – Только что не подстригает и не депилирует.

– Интересно, а там при сушке воздух холодный подаётся? А то тамошние волосы, знаешь ли, такие нежные! – хохотала Женька. – Посекутся ещё, чё делать будем?!

* * *

– Ой, а это парень или девушка?

Таким вопросом мы задавались на оживленной японской улице, в метро, в кафе, даже в университете.

И все эти непонятного пола существа на проверку оказывались парнями. Японские мальчики, пока они не поступили на работу, выглядят весьма своеобразно. Узкие плечики и осиную талию они обтягивают кофточками по фигуре. Часто к ней снизу прилагаются такие же облегающие штанишки, а еще ниже – остроконечные сапожки или туфли на небольших каблуках. На японских парнях красуется едва ли не больше аксессуаров, чем на их подругах.

– Интересно, они сами делают себе такие прически или в салон ходят? – задумчиво спрашивает Женька.

Волосы – предмет особой гордости японских парней от 18 до 25 лет. Они длинные, жесткие, перекрашенные в красно-коричневый, перекисно-белый цвета или хотя бы просто мелированные. До конца перекрасить их японцам все равно не удастся – слишком стойкий натуральный черный пиг-

мент. Поэтому часто японские волосы принимают диковатый оттенок. И вся эта цветная масса нещадно начесывается, поливается всеми возможными стайлинговыми средствами и устанавливается в необычайных формах над молодым японским челом. Волосы у парней стоят дыбом, торчат в разные стороны, колышутся фонтаном или возвышаются нарочитыми волнами – в общем, все что угодно, но только не просто спокойно растут на голове.

– Разве они не понимают, что похожи на девушек? – удивленно шепчет Бермет, глядя на компанию «модных» японских парней у входа в универ.

– Ну, наверное, они считают, что это красиво, – предполагаю я.

– Может, это нравится японкам? – спрашивает Женька. – У них и в журналах мужики все такие женственные.

– Ага! А вы их местных звезд видели? – вставляет Лариса. – Точь-в-точь такие же «нечто» с макияжем, прической и в лосинах.

Мы увидели, как к компании лихих парней в облегающих штанах прошли японские студентки. Девушки восхищенно смотрели на них, сияя смущенными улыбками. Мужская компания выглядела весьма довольной собой.

– Наверное, девчонки пришли на прически. Спрашивают, каким гелем они укладываются, – предположил Андрей.

– Да-да, и где косметику берут, – поддержала Лариса.

Чуть сдерживая улыбки, мы прошли мимо.

Позже я поняла, отчего японские парни так изгаляются над своей внешностью. Во-первых, они хотят походить на итальянцев, американцев, панков, рокеров, Брэда Питта, Джонни Деппа – на кого угодно, только не на японца. А для этого нужно максимально изменить внешность.

А во-вторых, у них просто осталось мало времени. До того, как на них наденут бизнес-форму и индивидуальная линия их хрупких плеч уже станет неразличима в общей массе стандартных пиджаков. Тогда их заставят сменить сланцы и каблуки на офисные туфли, остригут и перекрасят торчащие пучки волос, вынут серьги из ушей, снимут цепочки с молодецкой шеи... И они станут чинными конторскими работниками и среднестатистическими отцами семейств. А потом, уже на пенсии, жена наденет на них штаны защитного цвета и теплый свитер в клетку... Но до этого еще долго. А пока...

– Жень. Я тебе скажу щас, но ты только сразу не смотри. Вон у того парня, за соседним столиком. У него, типа... ногти накрашены. Красным лаком...

Женька тут же обернулась и окинула парня взглядом сверху вниз. Смеясь, она повернулась ко мне:

– Ага! И на ногах тоже...

* * *

В воскресной электричке было свободно и солнечно. Мы устроились на сиденьях из зелёного бархата, и поезд медлен-

но потащил нас в Киото. По мере того как мы покидали мегаполис, на смену высоткам за окном появились этажки пониже, а затем потянулись загородные домики. Они все были серые и двухэтажные, под японскими крышами из тёмной черепицы, окруженные бонсаевским садиком.

– Может, они все заказывают свои дома у одного и того же архитектора? – предположила я.

– Интересно, наступит ли время, когда и мы захотим скоротать вот в таком домике свои пенсионные годы? – задумчиво сказала Женька.

Я попыталась вообразить, как я старею внутри японского дома, сидя у телевизора, время от времени включая рисоварку, сушу попу на японоунитазе, ставлю свой «Бенц» в гаражик и постригаю карликовые деревца в саду...

За домами начинались заливные рисовые поля – аккуратные маленькие лужайки. Затем горы и домики, горы и домики, домики, домики... Кажется, что вся страна – это один сплошной, непрерывающийся город. Оно и понятно – в Японии для жизни пригодны лишь 30 % земли. Но в голове до сих пор не укладывается – ну КАК за 30 минут можно из одной областной столицы приехать в другую?!

Не успели мы выпить свой витаминизированный японо-лимоннад, как рисовых полей стало меньше, домики выросли и своим скоплением стали активно указывать на приближение очередного центра цивилизации. Вежливый японский кондуктор в белых перчатках объявил, что мы прибываем в

Киото и не будем ли мы так добры не забывать свои манатки в вагонах электрички.

Ничто на киотской станции не напоминало о древней столице. Железный массив вокзала гордо возвышался среди бизнес-отелей. Может, мы ошиблись поездом и это не древняя столица Японии с храмами и гейшами? Рекламные щиты и вывески магазинов кричали, что на дворе не XII век и даже Киото не избежал прогресса. Разочарованные, мы побрели к автобусной остановке. И, лишь прочитав надписи: «До Золотого павильона», «До замка Нидзё», «До дворца Хэйан», «До храма Чистой Воды», «До святилища Тридцати трёх пространств», успокоились и поняли: мы на месте.

Неспешно переставляя ноги, мы поднимались по узкой горной улочке. По обеим сторонам открытые магазинчики пестрели веерами и ажурными зонтиками, манили расписной посудой и кружками для зелёного чая, фигурками гейш в кимоно и сладостями из рисовой муки.

И тут из-за поворота перед нами возникли ворота. Волшебные синтоистские ворота без дверей: просто два огромных столба и чуть изогнутая крыша. Говорят, ее изогнули синтоистские божества, которые там возлежат.

Ворота величественно стояли на вершине, обдуваемые ветрами, и горели на солнце оранжевым цветом. За ними по крутой лестнице лежал путь наверх, в храм Чистой Воды.

И мы пошли.

С террасы храма открывался вид на весь лежащий в низи-

не город. Мы завороженно смотрели, как солнце ровно пять минут постепенно прячется за горы, отделяющие древнюю долину от остального мира. Потом мы хлопали в ладоши и просили богов синто¹³ о чем-то своем на старинной сцене, откуда раньше японские самоубийцы бросались в пропасть.

Вечерело. По одной узенькой каменной улочке мы спустились в город.

На первый взгляд всё было как обычно: черные японские такси моргали фарами, из магазинов лился теплый электрический свет, люди текли по тротуарам привычным потоком. Но было тут что-то странное. И вдруг мы поняли: в Киото нет высоких зданий!

Все дома на широких улицах были низкие, как будто придавленные грузом величия древности. Как шелковая ткань кимоно, Киото был расправлен, растянут по своей долине. Даже река Камо была настолько мелкой, что цапли спокойно стояли в ней на одной ноге. Мы прошли по деревянному мостику и увидели, как чайки садятся на выступающие из воды камни.

Поздним вечером мы с Кириллом сидели в «Старбаксе» прямо возле реки и пили кофе. Кирилл рассказывал про

¹³ Синтоизм (от япон. синто – «путь богов») в Японии – религиозно-мифологический и ритуально-практический комплекс, связанный с почитанием богов ками.

свою общагу, лабораторию и то, как ему сложно объясняться с японцами. Я слушала его и наблюдала в окно, как большая желтая луна висит в воздухе прямо над мостом. И думала: как забавно. Магнитный экспресс привозит людей на современную станцию в город старинных храмов. Луной и аистом у реки можно любоваться из окна «Старбакса».

Во дворе святилища стоят автоматы прохладительных напитков. Проходящая мимо чинная японка в кимоно постукивает платформами своих деревянных сандаликов, держа в руках последнюю сумку от Луи Виттон.

Жизнь не стоит на месте. Но везде она несётся куда-то так, что уже не видно начала. И только у японцев новое не отрицает, а лишь причудливо дополняет старое.

Может быть, поэтому им порой удаётся добежать первыми?

* * *

– Марина. Я не могу.

С этими словами и с перекошенным лицом Женька вскочила со своего места и встала прямо напротив меня.

В дневной электричке было полно свободных мест. Но Женька настойчиво продолжала стоять. С выражением, как будто её сейчас стошнит, она выдавила:

– Он там, – и сделала кивок назад.

На мой полный недоумения взгляд она пояснила:

– Там. Мужик. Смотри на штаны.

Я выглянула из-за Женьки и увидела японца в повседневной одежде, развалившегося на сиденье напротив. Тёмная футболка. Лёгкие брюки. Но что-то тут не так... И тут мои глаза расширились.

На самом причинном месте на брюках была дыра. Большая дыра. Вольно и широко она пролежала по мужской промежности, позволяя немногочисленной публике вагона лицезреть отсутствие нижнего белья и некоторые интересные детали японской анатомии.

Я перевела глаза на Женьку.

– Видела?... – прошептала мне она.

– Угу... Ну и чё ты вскочила? Садись.

– Ой не, не могу я на это смотреть! Меня аж воротит.

– Ну и не смотри! Не стоять же из-за него всю дорогу?

Она нехотя села обратно.

– Слушай, а может, он не заметил? – попыталась она найти какое-то объяснение вагонному стриптизу. – А вдруг ему просто все сказать постеснялись?

Я снова посмотрела на японца, как ни в чём не бывало раскинувшего свои ноги и остальные запчасти на бархатном сиденье. И мысленно представила себе, как мы подходим к нему и говорим: «Извините, но дело в том, что нам с того сиденья видна ваша мошонка. Вы об этом знали? Знали, да? Аа, ну тогда ладно...»

– Вряд ли, – сказала я. – Ему же туда поддувает! Сложно

не заметить.

И всё же вера в нормальность умирает последней. Поэтому я решилась на крайнюю меру. Чтобы дать возможность мужичку исправить оплошность, я начала нагло и целенаправленно смотреть на его интимное место. Я вполне откровенно разглядывала его, то прищуриваясь, то распахивая глаза, так что сидящие вокруг пассажиры могли совершенно справедливо предположить во мне нимфоманку. Но ни один мускул не дрогнул на лице старого стриптизера. Взгляд его раскосых глаз по-прежнему был туманно направлен вдаль.

Мне вдруг стало ясно: он всё прекрасно знает и даже кайфует от публики в лице двух белых женщин. Тут я начала злиться. Меня так и распирало от желания закричать на весть поезд: «Товарищи, смотрите, какой маленький! Вы такой когда-нибудь видели?!» Из приличного воспитания, конечно, я сдержалась. Но из гордости и принципиальности не пересела. Вот еще! Хочет – пусть пересаживается сам вместе с причиндалами.

Так мы и ехали дальше: две иностранки и японский эксгибиционист. Полуденное солнце нежно играло на его лысине и открытых стихиям японских гениталиях.

Признаться, на его месте я бы всё-таки неставляла их с такой гордостью, а трепетно берегла в сухом тёмном месте. Пусть не тешит себя иллюзией, что абсолютно всё растёт и вытягивается под солнцем.

– Ой, про них же все говорят! – Бермет испуганно прикрывает рот рукой. – Это, наверное, был чикан!

– Да нет! Чикан – это же маньяк-насильник. А этот просто, простите, письку показывает, – возражаю я.

– Не, на самом деле они всех этих извращенцев и называют чиканами, – авторитетно заявляет Андрий. – Там же иероглиф «чи» – значит больной на голову.

– Вообще тут, оказывается, столько сумасшедших, кошмар! Едешь в поезде, а он рядом сам с собой разговаривает! – возмущается Лариса.

– Да ладно, когда просто разговаривает, – усмехается Женька. – А то ещё того и гляди – тебя на кусочки порежет. И съест.

– И изнасилует перед этим.

– Или после этого, – мрачно бросает Андрий.

– Но ведь у нас тоже есть преступники.

– Да, но у нас даже преступники понятные. А здесь все на первый взгляд кажутся нормальными. Вот что страшно, – возражаю я.

– Ага. Типа всеми уважаемый господин Танака, начальник отдела продаж. Жена, двое детей. Закопослушный гражданин, платит налоги. И можно простить ему маленькую шалость, что в наполненной электричке он иногда прижимает-

ся к девушкам...

– Ой, я-то думала: для чего им эти женские вагоны? – ошеломленно распахивает глаза Женя. – Таких ведь больше нигде нет...

– Не, я не понимаю. А девушки чё, заорать не могут? Вон в караоке как голосят, а на чикана слабо?

– Марин, ну ты видела японок? Ты можешь представить, чтобы кто-то из них заорал благим матом?!

– Ну ты шо, это же неприлично, понимаешь ли, – язвит Андрий. – Ты не можешь нарушать всеяпонскую гармонию своими дикими криками!

– И пофиг, что при этом твоя ценная задница находится в руках маньяка-насильника, – заканчиваю я.

– То есть для мужиков в Японии раздолье? Щупай – не хочу, всё равно никто не пикнет? – удивляется Женька.

– Да-да! И «женский вагон» в каждой электричке – подтверждение этого японского феномена, – резюмирует Лариса.

– Ой, у нас даже недалеко от универа объявление висит – «Осторожно. Чикан», – вспоминает Бермет. – Меня и японки предупреждали...

– Вот бы его встретить раз! Я б так заорала, что отбила бы ему охоту на иностранных девчонок, – говорю я.

– Ну почему же только девчонок! Не будь такой эгоисткой, – произносит Андрий жеманным голосом и подмигивает.

Все смеются, приканчивая последние запасы сливового вина и бакарди-колы.

* * *

– Смотри, что мне подарили. – Женька показала мне бутылек.

По виду он был похож на эмульсию для лица. На бутылке было написано: «ОТБЕЛИВАЮЩИЙ ЛОСЬОН».

– Как ты думаешь, что это значит? – настороженно спросила Женька.

– Не зна-а-аю, – протянула я, разглядывая скляночку. – Но ты не заметила? У них во всех косметических магазинах целые полки этой отбеливающей фигни.

– Да?

– Угу. Я ни в одной стране не видела, а тут прямо стеллажи. «Диор», «Ланком», «Шанель» – у всех. Наверное, специально для Японии выпускают. Они ж тут все на белой коже помешаны.

– Точно, и все вечно с этими солнечными зонтиками и в перчатках тусят! Но зачем они так отбеливаются? – пожала плечами Женька. – У нас, наоборот, все загорелыми хотят казаться... А когда бледный – значит ты болеешь.

– Может, японки до сих пор считают белую кожу признаком высшей расы? Или они все подсознательно хотят быть гейшами...

Женька подозрительно взглянула на таинственный бутылек.

– Интересно, а как оно отбеливает? – задумчиво сказала она. – И насколько сильно?

– А ты намажься вечером и посмотри на утро, посветлеешь или нет, – предложила я. – Только намазываться нужно полностью! А то прикинь, лицо отбелится, а туловище таким же останется...

– Ага! – испугалась Женька. – А вдруг я утром проснусь вся белая?! Чё я потом делать буду?

– Ну, намажешься таким темным тональным кремом. – Я еле сдержала смех, представляя, как Женька проснется совершенно белой.

– Ну уж нет! – решительно заявила она. – Не буду я лучше пользоваться никакими их отбеливателями! Пусть они сами ходят как мумии! Мне пока мое лицо нравится и так.

И она убрала опасный лосьон подальше в шкаф.

Мы подумали, что можно было бы подарить его Ларисе и потом наблюдать, насколько она отбелилась. Жаль только, что она умеет читать по-японски.

* * *

– Марина, привет! – Жан берёт меня за рукав, когда я, мокрая от дождя, зашла в холл университета. У нас с ним общее страноведение.

– Тебя вызывают в офис, – говорит Жан. – Ты забыла расписаться за стипендию.

– Как это – расписаться за стипендию? – тупо спрашиваю я.

– Нууу, обычно, знаешь, люди пишут своё имя или, если они не умеют писать, просто палочку или кружоочек... – тянет Жан в своей непередаваемой французской манере.

– ЖАН!!!

– Ты правда не знаешь, что каждый месяц нужно расписаться до десятого числа?

– Таааак. А если я не?..

– Нууу я не знааю... спроси у них. Увидимся в классе! – Жан уже машет мне рукой из лифта. Он даже машет по-французски.

– Коннитива, Марина-сан! К сожалению, вы не успели расписаться в срок, и ваша стипендия переносится на январь.

Я смотрела на японодаечку из офиса, широко открыв глаза, и силилась заставить свой слабый женский мозг осознать смысл услышанного.

– Как то есть... Но мне нужно сейчас...

– Но вы не волнуйтесь, деньги не теряются. Они просто переносятся.

Я стояла, как будто меня чем-то облили. Потому что до меня наконец стало доходить. Что в декабре я стипендию

не получаю. А получаю хрен с маслом. Что за билет к бой-френду на Рождество, который срочно нужно было выкупать, этим масляным хреном я вряд ли рассчитаюсь.

По дороге в класс я медленно подсчитывала, сколько мне нужно денег на поездку в Лондон: тысяча баксов на билет плюс пара тысяч на банковской книжке для визы. Плюс наличка по мелочи...

А потом прикинула, сколько у меня есть. Около двухсот тридцати долларов. Я богач. Может, сразу махнуть вокруг света?

На уроке страноведения Митико-сенсей что-то рассказывал, но мне было не до этого.

– Марина, с тобой всё в порядке?

Жан потряс меня за руку, и я медленно вышла из комы.

– Жан, это полный шит. Я в полном дерьме.

– Оу! – Жан удивлённо поднимает брови и округляет рот. Если бы я не знала, что он француз, я бы думала, что он гей. – Шит?! Мердэ?...¹⁴

– Угу, полнейшее мердэ. Мне нужно платить за билет в Англию уже сейчас. А у меня двести баксов на полтора месяца.

– О, фёак! – восклицает Жан, и в добром английском «фак» звучит гармоника Парижа.

Да-да. «О, фак!» – как много в этом слове...

¹⁴ Merde (фр.), shit (англ.) – дерьмо.

– Марина... – Жан вдруг загадочно склоняется ко мне и переходит не шёпот. – А почему бы тебе не... поработать немного? Ты бы сразу могла заработать себе на билет...

Я поднимаю голову и тупо смотрю на него.

– КАК, Жан?! Преподавать английский? Но это же ерунда, так на билет не заработать.

– Не-е-ет, Марина. – Жан косится на меня, прищурившись. – Знаешь, в Японии есть такие места... ммм... клубы. Лаунджи. Ты говоришь с клиентами, а тебе за это платят деньги...

Я подозрительно сдвигаю брови.

– А если ты ещё покажешь... – Жан делает выразительно-округлый жест руками в том месте, где, будь он женщиной, у него мог бы находиться бюст. – То получаешь немало, намного больше. – И Жан смешно складывает губы бантиком.

Я смотрю на него с укором, но всё равно признательна, что хоть он меня веселит.

– А если дашь потрогать – вот так, чуть-чуть! – Жан делает движение, как будто проверяет, насколько горячий утюг. – То вообще не о чем беспокоиться... – Он хитро улыбается и выразительно поводит бровями вверх-вниз.

– ЖАН! – строго говорю я сквозь смех, пытаюсь изобразить оскорбленное достоинство.

– Оюкей, Оюкей, Марина, я ведь только предложил вариант! Решение твое. Просто ты сказала, что у тебя проблемы с

деньгами, – вот я и решил помочь... – Жан умильно разводит руками в знак полнейшей невинности. И всё же склоняется напоследок, чтобы шепнуть мне на ухо: – Если надумаешь – обращайся, я как раз в таком месте работаю барменом...

– Обязательно, Жан. Большое спасибо.

Вернусь – расскажу Женьке, как Жан на страноведении предложил мне поработать проституткой, чтобы сколотить денег на билет к бойфренду.

Вот такие они, мои друзья. В трудную минуту всегда подскажут правильный выход из ситуации. Помогут добрым советом. Наставят.

Спасибо им!

Глава 2. Итальянские каникулы

Меня поглотил фиолетовый суперэкспресс с круглыми окнами. Я села в эргономичное кресло, поставила чемодан рядом и наблюдала, как за стеклом постепенно отдалялся город с вечерними облаками и приближались аэропорт и ночь.

У гейта 34 пассажиры ждали ночной рейс Осака – Рим.

Они казались маленькими и беспомощными в белой скорлупе аэропорта по сравнению с необъятным тёмным миром там, вовне. Было тихо, и лишь лампочки витрин беспощадных товаров боролись с первобытной тьмой, которая навалилась на терминал и заглядывала в широкие окна.

Затем симпатичная девушка пригласила всех пройти на борт большой машины, которая перенесёт нас из одного места планеты в другое сквозь это тёмное небо так, что мы не заметим дискомфорта и даже сможем читать там, в небе, при электрическом освещении.

Пол позвонил, когда я уже сидела в уютном кресле. Мы договорились, что его знакомый встретит меня в Риме и отвезёт на станцию. Там я куплю билеты на поезд и поеду к Полу в его южный городок... Всё-таки какой он молодец, что нашел работу и таки смог забрать меня на Рождество! Правда, для этого пришлось экстренно переехать в Италию.

Самолёт поднялся в ночь, и мы полетели над миллионами огней, над границами, над морями, над половиной земного шара...

В римском зале прилетов ко мне стремительно приблизился рослый парень с головой Микеладжело и телом быка.

– Меня зовут Маурицио, – произнес он с сильным акцентом. – Ты подруга Пола? Из Японии?

– Sì, – ответила я на лаконичном итальянском.

– O, ciao bella! – обрадовался бык и чуть не задушил меня в объятиях.

В поезде до центрального вокзала он сначала разглядывал меня, потом как бы случайно положил свою руку вплотную к моей и невзначай заметил, что живет неподалеку.

– Как насчет кофе? – натренированно спросил он, потряхнув локонами.

Глядя на его куртку с крупной надписью «GIORGIO ARMANI», я что-то думала про милых итальянцев, про бренды, про первичные инстинкты...

На центральной станции я попрощалась с Маурицио. Выпила эспresso в маленьком, аппетитно пахнущем кафе на римском вокзале. Одна. В большие окна светило нежаркое декабрьское солнце. Мимо по тротуарам, катя чемоданы, проходили красивые итальянцы. Было очень хорошо и спокойно. Почему-то не хотелось никуда ехать. Хотелось остаться здесь и вечно пить кофе с бриошью.

Поезд прибывал в южный городок в 14.45. Путь показался необыкновенно долгим. Сойдя с поезда на южном конце Италии, я сиротливо озиралась вокруг, когда кто-то вдруг подошёл сзади и обнял меня. Обернувшись, я с радостным вздохом упала Полу на грудь.

– Ты что, плачешь? – спросил меня он.

– Нет, дурачок, – улыбнулась я. И подумала, что, возможно, его первые слова могли быть другими.

В светлой кожаной куртке и цветном шарфе Пол смотрелся ещё эффектнее, чем обычно.

– Ты знаешь, мне поставили диагноз бронхит, – трагически сообщил он. – Теперь постоянно хожу в шарфе. Но это ничего, только кашляю часто. Пойдем, нас отвезет один мой друг!

Мы сели в маленький европейский «Рено», и один из друзей (Пол имел тенденцию обрастать новыми друзьями в любом месте, и мне всегда было интересно, где же он хранит старых) повёз нас в дом, который Пол снимал. Мы сидели на заднем сиденье и держались за руки, и я рассказывала ему, как долетела и как парень-бык Маурицио довез меня до римского вокзала. Пол кивал и весело кашлял в ответ.

– Только я не хочу, чтобы он провожал меня на обратном пути, – сказала я.

Пол рассмеялся:

– А почему нет?

В широте его европейских взглядов отсутствовал такой пережиток, как ревность. Но он знал общепринятое правило, что приставать к чужим подругам нехорошо.

– Он что, пытался тебя поцеловать? – поинтересовался Пол.

– Нет, – честно сказала я.

– Ну, тогда я спокоен, – беспечно улыбнулся Пол. – Я, правда, знаю Маурицио всего две недели. Но он был так любезен, что сам вызвался тебя встретить. Когда я показал ему твоё фото...

– Так мило с его стороны! Но в следующий раз я справ-

люсь одна, хорошо?

— Как скажешь, дорогая.

В молчании мы ехали дальше...

* * *

24 декабря.

Мы проснулись в половине второго. Так долго я не сплю даже в Японии. Даже если легла в пять утра, а завтрашние пары можно прогулять.

Пол сварил нам кофе и приготовил тосты. Они немного большие для меня, но всё равно вкусные. Затем мы вручили друг другу подарки: сегодня ведь Рождество. Ну и что, что католическое. Я думаю, Христос совсем даже не против отмечать свой день рождения по нескольку раз в разных странах.

Я торжественно достала старательно выбранный и обёрнутый ещё в Японии парфюм. Я знала, что это его любимая марка.

Пол в ответ робко протянул мне пакет, на котором почему-то написано «Papa Rimini». Как потом выяснилось, он просто перепутал Деда Мороза с папой римским. Я открыла пакет и извлекла оттуда комплект нижнего белья. Оно не той фирмы, которую я ношу, и немного не в моём стиле.

Но я прекрасно понимаю, что Пол не мог позволить себе дорогой подарок. Поэтому я счастливо улыбнулась, поража-

ясь его умению выбрать именно то, что нужно. Пол просит меня примерить и, когда я предстаю перед ним в блистательном неглиже, радостно заключает, что оно сидит «практически идеально».

Я и правда вижу восторг в его глазах. Вот только к белью это не имеет никакого отношения.

* * *

– Марина.

– Да?

– Ты бы хотела стать моей женой?

Сумерки католического Рождества, мы сидели на террасе под апельсиновым деревом и пили вино. Дул влажный декабрьский ветер, на нас были джинсы и теплые куртки. И в этом дне не было ничего особо примечательного.

То есть не было до сих пор.

Я удивлённо повернулась к Полу, но тот был абсолютно серьезен.

Подумав, что колебаться в такой ситуации неприлично, я сказала:

– Ммм... да!

Он всё ещё пристально смотрел на меня.

– Марина. Ты понимаешь, что ты сейчас сказала?

Я ещё раз прокрутила всю ситуацию в своем праздном женском мозгу и пришла к выводу, что да, вполне. Понимаю,

что сказала «mmm... да».

– Да. А почему нет?..

Возможно, это был не самый блестящий вариант ответа. Наверное, в этом случае лучше знать, почему да.

Пол молча вынул что-то из нагрудного кармана. Нет, это не кольцо. Это какая-то бумажка. Бумажка?!

– Смотри. – Он протянул мне картинку, на которой красовались синее море, пальмы и белый пляж.

– Что это?

– Это Маврикий. Самое прекрасное место на земле. Там круглый год +28 и цветные рыбы в море не боятся людей. Там мы с тобой поженимся.

– Ты не шутишь? – улыбнулась я.

– Нисколько, – уверенно заявил Пол.

– Но ведь мне еще нужно закончить университет... – робко пролепетала я. – И поступить на магистра международной коммуникации...

– Ну разумеется, Марина. Я не хочу, чтобы ты чем-то жертвовала ради меня, – благородно заявил Пол. – Мы поженимся тогда, когда ты будешь к этому готова.

Я проникновенно посмотрела на Пола:

– Ты такой понимающий!

Он бережно согнул бумажную картинку и засунул ее в карман моей куртки.

– Вспоминай обо мне, когда будешь далеко, – сказал он. – Среди этих маленьких глупеньких японцев.

– Ну не такие уж они и глупенькие! – почему-то обиделась я, но тут же забыла.

Ведь мы поженимся на Маврикии...

* * *

31 декабря Пол почувствовал себя хуже. Мы были одни в доме, никаких лекарств, никаких аптек поблизости. Температура росла. Мы не знали даже номера скорой. Не было интернета. Пол попытался дозвониться друзьям, но почти все разъехались на рождественские каникулы, а тех, что остались, нельзя было поймать. Италия находилась в критической точке пост-Рождества, переходящего в Новый год.

Я помогла Полу одеться, и он, пошатываясь, дошёл до машины. Мы поехали в единственную больницу, местоположение которой он помнил.

Выйдя из машины, мы поспешили к дверям, над которыми крупными буквами светилась спасительная надпись «EMERGENCY».

Здесь горел свет, но было подозрительно тихо и пустынно. Мы стучалась во все двери: ни одного признака жизни вокруг.

Добро пожаловать в Италию на Новый год.

Так и не найдя никого в больнице, мы поехали домой. Ну а что, врачи тоже люди. Им тоже надо отмечать.

Было восемь вечера, но приближение праздника не ощущалось. Чтобы хоть как-то подогнать его, я надела свое лучшее платье и каблуки и вышла к Полу. Лёжа в гостиной на диване, он критически оглядел мой вырез и сказал:

– Вот платье, чтобы на тебя все смотрели.

Я не уверена, комплимент это или нет – ну да ладно, на больных бронхитом не обижаются.

А ведь мы хотели куда-нибудь отправиться на Новый год. Сначала в Париж. Потом в Рим. Наконец, в ближайший Неаполь... Радиус сужался постепенно, пока в итоге... А, нет! Вот, съездили же в больницу.

Но это всё только из-за здоровья суженого. И в болезни, и в здравии, ничего не поделаешь. Нужно привыкать к трудностям на пути супружеского счастья... Я вообще очень терпимая и понимающая.

Чтобы каблуки не стучали так гулко и пустынно по мраморному полу, я включила телевизор: там всюду отмечали Новый год. Улыбающиеся итальянские ведущие, по уши в мишуре, с бокалами шампанского в руках, поздравляли всех и вся. Пол вспомнил, что у нас было шампанское. Мы открыли бутылку «Мондоро» и чокнулись: я – в вечернем платье, он – в футболке и трениках. Невольно вспоминается русский Новый год – гуляние всю ночь напролёт, и водка, и снег, и Путин в прямой трансляции перед Кремлём, и морозный пар изо рта, и успеть загадать желание и выпить до дна под бой курантов...

Пол вдруг достал неизвестно как и где купленную розу и протянул мне.

– Ты говорила, что в России женщинам на этот праздник всегда дарят цветы...

Я улыбнулась: то было про Восьмое марта. Он опять всё перепутал.

– С ума сойти, ну как ты всё помнишь! Спасибо, дорогой. Я правда ценю это.

И целую своего непонятливого мужчину с бронхитом.

Я скинула каблуки и прямо в платье легла рядом с ним на диван, и мы смотрели, как в Лондоне празднуют приход Нового года салютом у Лондонского глаза, в Париже – на Елисейских Полях, в Москве – на Красной площади...

Пол начал засыпать, и я выключила телевизор.

* * *

В лучшем ресторане городка Латина я вонзила вилку в карпаччо. Здесь оно стильно подается прямо на разделочной доске. А я-то думала, что мы поедем посмотреть Неаполь. Я даже обещала Стефано. Но вместо этого мы приехали в ресторан неподалеку.

Пол еще не совсем здоров. Ему нельзя перегружать себя. Хриплым голосом он спросил:

– Наверное, тебе не хочется возвращаться?

Я удивленно подняла на него глаза:

– Куда?

– В Японию.

Я раздумываю, что стоит за этим вопросом.

– Почему ты так считаешь?

– Ну, тут Италия. Море, солнце. Вкусная еда. Приветливые люди. А там – всё такое маленькое, несуразное...

Я отложила вилку. Море? Солнце? Все, что я видела за эти несколько недель, были переднее стекло автомобиля, пустая больница и стол с телевизором.

– Ну да, – задумчиво произнесла я. – Италия. Поезда не по расписанию. Больницы, где никого нет.

– Марина, это было на Новый год...

– Пол, о чем ты говоришь? – Я начала злиться, вспоминая, как мы стучались в больничные двери. – Ты же понимаешь, что такого бы никогда не случилось в Японии?!

Пол молчал.

– Да, я люблю Италию. – Я уже не могла остановиться. – Но можешь ли ты себе вообразить, в Японии тоже есть море! Да ты вообще представляешь себе японскую природу, чтобы говорить о ней? Там есть сакура, красные клёны, бамбуковые заросли, бонсай, сады камней... Что в Италии есть взамен? Море, солнце и Гуччи?

Принесли стейк.

– О'кей, в Италии вкусная еда, я согласна. Но им, знаешь ли, повезло! Итальянцы живут на земле, где кинул зернышко – вырос фрукт. Японцам же пришлось учиться их выра-

щивать и ещё ухитряться находить место для посадки в своих сплошных горах! А как они готовят?! Ту же итальянскую кухню берут и усовершенствуют! Они превратили приготовление пищи в искусство, а не просто нарезают карпаччо! – Я с чувством взмахнула вилкой.

Наливавший мне вино официант чуть кашлянул в кулак.

– Спасибо, – сказала я, одарив его широкой улыбкой. Тому пришлось тоже улыбнуться в ответ и ретироваться.

– Тебе не нравится здесь? – натянуто спросил Пол. – Хочешь, пойдем в другой ресторан?

Было видно, что никуда идти ему явно не хочется.

– Мне нравится здесь, Пол. Но когда, налив вина, официант забывает налить мне воды – это так себе. – Я потрясла пустым стаканом со льдом.

Никто не подбежал ко мне. Возможно, официант на кухне уже делился с шефом услышанным.

– Извини, что-то я не в духе, – устало сказала я, снова взяв в руку вилку. – Знаешь, в Японии слишком хороший сервис. К нему так быстро привыкаешь...

Пол сидел с каменным лицом.

– Я не знал, что ты так полюбила Японию, – медленно произнес он.

Я посмотрела на него поверх своего бокала. Он был в пиджаке и рубашке с расстегнутым воротом. Бриллиант в правой мочке нагло сверкал в свете бра. Темные брови немного высокомерно подняты вверх, полные губы чуть скривлены.

– Пол, ты когда-нибудь был в Японии? – спросила я вдруг.

– Нет, – ответил он. – Но в следующий раз моя очередь лететь к тебе, так?

Я проигнорировала вопрос.

– В Японии, как и везде, есть свои недостатки. Я отлично их знаю. Но у нее есть и масса достоинств. Которые ты, не побывав там, знать не можешь.

– Но... – начал Пол.

– Так не суди о том, чего не видел, – резко закончила я.

Пол моргнул.

– Марина. Иногда, когда ты смотришь на меня таким взглядом... Я не понимаю, любишь ты меня или ненавидишь, – как-то жалобно сказал он.

Несколько секунд мы сидели в молчании.

– Ну конечно же, люблю, – примирительно сказала я наконец.

И вонзила нож в стейк с кровью.

* * *

5 января. Мы проснулись в девять. По-прощальному плотный ужин ещё не успел перевариться. Есть не хотелось – мы просто выпили кофе.

Пол не смог отвезти меня на станцию: сегодня был его первый рабочий день. Я поехала на такси.

Пол поставил мой чемодан в багажник, и мы долго про-

щались перед машиной. Он печально смотрел мне в глаза, обнимал, потом смотрел снова. Это очень в характере Пола – и даже я, не слишком большой любитель прощаний, прониклась значительностью момента.

– Я обязательно позвоню тебе перед вылетом, – сказал он мне. – Во сколько самолет?

– В два с чем-то.

– Значит, позвоню в половине второго. Я люблю тебя. Мы скоро увидимся.

Отъезжая, я увидела его в зеркало заднего вида: Пол ещё долго стоял на дороге, эффектно подняв руку и глядя машине вслед.

Поезд «Евростар» плавно тянулся на север. Я ехала мимо полей и потемневших виноградников и смотрела, как солнце отражается зелёным светом в оливковых листьях. А потом земля словно оборвалась – её срезала ярко-синяя полоска на горизонте. Я поняла, что это море. Подумалось, что вот же он – тот край земли, о котором говорят. Земля кончается там, где начинается море. Так просто. И фраза «за ним хоть на край света» сразу приобретает новый, неожиданно приятный смысл...

В аэропорту внимательно изучили мой паспорт с японской визой. Возникли какие-то сомнения, позвонили в посольство. Потом извинялись, когда все было улажено. Я по-

что не обратила внимания. На больших часах была четверть второго. Проводив взглядом канувший в багажную бездну чемодан, я отошла и остановилась в центре зала, держа мобильный в руке.

Часы показали половину второго, и стрелка медленно, но необратимо поползла вверх по левой стороне циферблата. Спроси меня в эту минуту, зачем я ждала звонка, я бы вряд ли дала вразумительный ответ. Казалось, что сейчас Пол позвонит и что-то объяснит, и что-то разрешится, и я пойму нечто важное...

Но звонка не было.

В четверть третьего кто-то тронул меня за локоть. Я вздрогнула и обернулась: рядом со мной стояла бортпроводница.

– Простите, мадам, – мягко сказала она. – Но если вы сейчас не пройдёте на паспортный контроль, вы рискуете опоздать на рейс.

Я поблагодарила её и в последний раз взглянула на телефон. Потом убрала его в сумку и пошла.

В самолёте сосед-швейцарец явно пакистанского происхождения с часами Cartier на толстой волосатой руке распикировал мне преимущества жизни в Монтрё¹⁵. Не слушая его, я тупо смотрела в одну точку и пила красное вино. Много

¹⁵ Монтрё – старинный курортный город в Швейцарии с мягким климатом, расположенный между крутыми холмами и Женевским озером.

вина. В голове была путаница из обрывков чувств, воспоминаний, мыслей, и никак не получалось остановиться на чём-то одном. Всё как будто распалось на разные по форме и величине фрагменты, которые никак не складывались вместе. А ведь всё было так красиво и верно распланировано – получение научной степени, свадьба на побережье...

– Скажите, вы, может быть, чем-то огорчены? Может, хотите ещё вина?

Я подняла на швейцарца пустой взгляд и тупо кивнула, и тот наконец-то смолк, занявшись поисками стюардессы. Я сняла куртку, свернула её и засунула под голову. Нужно просто заснуть сейчас, и всё опять станет как прежде. У виска был какой-то комок. Я ощупью нашла в куртке молнию кармана, расстегнула ее и достала мешавший предмет...

У меня в руке лежала помятая картинка с пальмами, пляжем и голубой водой океана. Я расправила ее: побелевшие от влажности сгибы разбили фотографию на мелкие фрагменты. С минуту я смотрела на нее. Потом осторожно свернула и засунула в карман переднего кресла.

Глава 3. Продаём мечты. Дорого

– Коннитива, минна-сан! Как провели каникулы? – Митико-сенсей начал урок страноведения. Я нагнула голову: скоро моя очередь читать вслух страницу про экономику. Мне кажется, я не помню ни одного иероглифа.

– Как ты съездила в Италию? – шепчет мне сидящий спра-

ва от меня Жан. В этом полугодии у нас много уроков вместе.

– Отлично. Кроме приступа бронхита бойфренда на Новый год – всё круто, – говорю я.

– О, фёак! – как всегда изысканно, ругается Жан, выказывая активное сочувствие.

– Угу, – соглашаюсь я.

– А деньги на жизнь нашла? – тихо спрашивает Жан.

– Скоро же стипендия, – шепчу я. – А пока у Женьки одолжила чуть.

Жан склоняется ниже над партой.

– Марина, знаешь... – Он смотрит на меня очень серьёзно. – Я сейчас работаю в одном месте...

– О! Я ЗНАЮ, Жан! – кричу я шепотом и делаю знак рукой – мол, отвали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.